

ПАВЛОВ Л. (ОЛЕГ БЕЖИН)

Исповедь

Кира Селиверстова, двадцати двух лет, внешности обыкновенной, но не простецкой, шла по сосновому лесу к монастырю.

Отправила её сюда крёстная мать. Кира пожаловалась ей на трудности своей молодой жизни, на подводные камни и холодные течения. Мудрая крёстная (тогда еще не крёстная) решила, что все беды от бесов и посоветовала Кире креститься. Сама и стала крёстной матерью. А для закрепления результата Кире было велено отправиться в монастырь на богомолье.

Кира отправилась в ближайший от её родного города монастырь, очень известный, но — мужской.

Вот он, показался за деревьями.

Кира глубоко вздохнула, достала из рюкзака белый платок и повязала на голову, как это делают в Малороссии. Так не видно даже ушей, не то, что волосы. Выглядеть правильно ей тоже велела мудрая крёстная: нечего сверкать яркими юбками и прочими неугодными господу непристойностями.

У ворот монастыря сидели трое монахов. Один, самый тощий и наглый, ухмыльнулся и помахал Кире рукой.

— Здравствуй, сестра! Не хочешь побеседовать о боге?

«Знаю я, о чем ты хочешь побеседовать, козёл», — подумала Кира и проследовала мимо.

Надо сразу пойти в общежитие для паломников, так ей посоветовали.

— Здравствуйте, я — мать Капитолина, — поздоровалась тётка, с ног до головы замотанная в темные тряпки. Она появилась из коридора неслышно и грозно. Кира даже немного испугалась, что одета слишком вольно, и ее неудобное льняное платье и синяя вязаная бабкина кофта разозлили эту Капитолину.

Но мать Капитолина просто пригласила Киру пройти дальше и показала ряды двухъярусных кроватей за поворотом.

— Тут мы спим. Ты можете выбрать себе свободное место. Ты, сестра, с Украины?

Вопрос застал Киру врасплох, и она буркнула что-то невнятное.

— А из какого монастыря? — продолжала допрос мать Капитолина.

— Я... не... из... — больше не удалось издать ни звука.

Капитолина кивнула и удалилась.

До вечерней службы Кира валялась на кровати и изображала немую. Тётки и даже молоденькие девушки на двухъярусных кроватях поголовно читали какие-то книги и вели беседу шепотом. А еще они постоянно крестились и закатывали глаза к потолку. То, что могла расслышать Кира, было непонятно. Поэтому Кира молчала, боясь ляпнуть что-то невпопад. Да и книги у неё никакой не было. Вряд ли, конечно, они читали Агату Кристи. Вон у соседки по кровати на книжке золотыми буквами написано: «Библия». И еще соседка жевала чёрный хлеб, отламывая его от буханки.

— Будешь? — предложила она Кире, но Кира застеснялась, буркнула «спасибо» и отказалась.

Вечером после службы желающим раздали маленькие книжечки «В помощь кающемуся». Это было очень хорошо. Крёстная говорила ей, что надо непременно исповедаться и принять причастие. Ни то, ни другое Кира делать не умела. А вот эта инструкция должна помочь. Кира прочитала книжечку внимательно и ужаснулась: как много грехов, оказывается, существует. Понятно теперь, зачем они раздают книжечки — это кто же запомнит столько? Некоторые тётки из общежития для паломников тоже взяли себе такие же. Сидят, изучают.

Утренняя служба оказалась долгой. Кира бы не выдержала многочасового стояния, если бы не была взбудоражена предстоящей исповедью. С причастием было все более-менее просто: подойти, принять хлеб и вино из рук батюшки и — всё, можно гулять. Правда, где искать этого батюшку с хлебом, всем ли он просто так раздает хлеб (и не его ли жевала соседка по койке?) Кира пока не знала.

Книжечку Кира взяла с собой. И внимательно теперь наблюдала за службой, чтоб не пропустить момент, когда пора идти к батюшке исповедоваться. Или уже пора? И куда идти?

Кира стала наблюдать и за теми, кто входит и выходит. И даже пару раз сама выбегала вслед, чтобы убедиться, что никто на исповедь без её ведома не отправился.

Так прошло три часа. А потом вдруг пение смолкло, еще местами раздавалось призывное вскрикивание то одного, то другого из священнослужителей, но народ деловито засновал по храму. Кто ушел совсем, кто поплелся к иконам и стал зажигать там свечи. Часть бывших молящихся сгруппировалась в центре и стала шептаться. Кира решила остаться с ними, вроде бы крёстная говорила, что исповедь будет проходить тут же, после службы. Кире было непонятно, где «тут же»? Вот тут, прямо посередине собора? А как же тайна исповеди? Кира видела в кино, что должна быть отдельная комната...

Толпа зашевелилась и разделилась на две группы. Кира вытянула шею и разглядела там, впереди, двух священников. Они деловито командовали кем-то в странном одеянии. Монахи? Непохоже... Эти в странном одеянии принесли две небольшие кафедры, ещё что-то, поцеловали руку каждый у своего священника и убежали. Бывшие молящиеся выстроились в две стройные очереди.

Кира подумала, в какую очередь ей встать. Встала туда, где меньше народа.

Процедура казалась простой с виду: человек подходил, недолго что-то говорил батюшке и при этом крестился и кланялся. Потом батюшка накидывал ему на голову расшитую золотом тряпку, чем-то тряс над головой кающегося и потом отпускал его на все четыре стороны.

Оставался вопрос с книжечкой: никто книжечку не доставал и по ней не читал. Кира решила, что тоже не будет, и на всякий случай еще раз почитала её, пока стояла в очереди.

Батюшка был похож на здоровенного грека: черный, с горящими глазами. Он что-то пробормотал заробевшей Кире, из чего она поняла только «дочь моя». Она решила, что молчание батюшки означает, что настала её очередь говорить, и заговорила.

— Ну, в общем, я грешна тем, что думала плохо, и сквернословила. Ещё прелюбодеяние... — строчки инструкции вылетели из головы, а свои мысли под грозным взглядом грека не формировались. Она вспомнила ещё пару грехов и замолчала, понимая — что-то идёт не так: батюшка молчал, иногда поправлял свои одеяния и не делал попыток накинуть ей на голову расшитую тряпку и покончить с этой канителью.

— Ну? — батюшка чего-то ждал. И добавил, не дождавшись: — Вы что, первый раз на исповеди?

— Да, — облегченно согласилась Кира. Теперь-то, когда грек понял, почему она не всё делает правильно, простит её и накинет, наконец, свою тряпку. И потом останется только вино и хлеб.

Но не тут-то было!

— Иди, дочь моя, ты ещё не готова к исповеди, молись, читай Писание, иди, Бог с тобой, — и грек бесцеремонно отодвинул её от маленькой кафедры. Место Киры тут же заняла старушка.

Кира отошла к началу очереди. Она чувствовала себя обманутой. Ну, допустим, она не все грехи помнит. Да как их упомянуть-то! Ну, подсказал бы, что ж гнать-то сразу.

— Что грустная такая? — рядом стояла тетка из общежития. — На исповеди была?

Кира кивнула, у неё задергалась нижняя губа. «Не заплакать бы».

— А чего ж такая? А? — не отставала тетка.

— Прогнал, — смогла без слез выговорить Кира и кивнула в сторону грека.

— Вон оно что, — протянула тетка. — А ты вон к тому сходи, он добрый, — указала она на второго батюшку, к которому очередь была больше. — Отец Сергей это. К нему специально отовсюду едут, и я к нему приехала.

Кира посмотрела, куда ей указала тетка: отец Сергей выглядел не страшно и по-домашнему. Дедушек у Киры никогда не было, они все поумирали до того, как она родилась, но именно так, по мнению Киры, и должен был выглядеть дедушка: невысокий, седенький, улыбчивый. Сейчас «дедушка» не улыбался. Он внимательно, склонив голову, слушал очередного страдальца. Кира решила попробовать исповедоваться и у этого батюшки. А что она теряет?

Как только очередь дошла до неё, Кира решительно подошла к кафедре и выложила книжечку на стол. Она решила не рисковать и зачитать грехи по книжке. Хотя нет, это долго... Или батюшка подождёт?

— Ты в первый раз на исповеди, дочь моя? — отец Сергей склонился к ней.

— Второй. А первый раз я вон там была, — она указала на грека.

— Сегодня? — искренне удивился Отец Сергей. — А зачем тогда второй раз?

— А он меня выгнал, — Кира вздохнула, но в глаза отцу Сергию посмотреть не решилась: вдруг тоже выгонит.

— Ага, а почему?

Кира пожала плечами:

— Не готова, сказал.

— А ты готовилась?

— Готовилась, вот, книжечку читала, но всё не запоминается сразу.

— Понятно, — кивнул отец Сергей. — Ну, давай, дочь моя, по книжечке говори. Отметила там, что надо?

— Да что тут отмечать-то. Я, батюшка, согрешила... — Кира заводила пальцем по страничкам и стала читать, спотыкаясь на каждом слове: — Перед БОГОМ: слабой верой (сомнением в Его бытие... бытии...). Не имею к Богу ни любви, ни должного... должнаго страха, поэтому редко исповедуюсь и причащаюсь. Редко посещаю Церковь в воскресенья и праздники... НУ, вообще не посещаю, я позавчера крестилась только, — уточнила Кира для ясности и продолжила по тексту: — Каяться не умею, грехов не вижу. Не вспоминаю о смерти и не готовлюсь предстать на Суд Божий...

— Постой, дочь моя, — остановил чтение отец Сергей, — ты всё будешь читать?

— Да, тут почти всё мне надо.

— Почти всё? — изумился Отец Сергей. — Это как же? А в чем не грешна? Ну-ка, покажи, — и он наклонился к тексту.

— Вот тут всё, тут тоже, — Кира листала страницы, — тут вот — не делала, тут тоже, а потом снова вот до этого места и вот тут — не грешна.

Отец Сергей пребывал в прострации секунда пятнадцать, а потом взял книжечку и стал просматривать страницы.

— Где ты, дочь моя, говоришь, не грешила? — он близоруко сощурился на страничку.

— А вот, — ткнула пальцем Кира, — «Жестокостью к животным». Этого я не делала. И еще вот: «Сознательное утаение грехов на исповеди». Я даже не собиралась утаивать, я просто запомнить не могу всю книжку.

— А в остальном — грешна?

— Нет, вот это еще не делала: «Шпионаж».

Отец Сергей внимательно взгляделся в лицо Киры, полистал книжечку. Ткнул пальцем.

— А вот это?

Кира наклонилась и прочитала: «Неуважение к архиерею».

— Я не знаю точно, как он называется, это я на всякий случай, — торопливо заговорила она, боясь, что батюшка перебьет и не даст прояснить ситуацию. — Я, когда служба шла, смотрела на одежду священника... Или как он называется, не священник? Накидка в складочку которая...

— Мантия, — подсказал Отец Сергей, и Кире показалось, что он все-таки улыбается. Она тревожно оглянулась на него: нет, показалось.

— Наверное, мантия. Так вот, там треугольник плохо пришит, и складки заутюжены неправильно, и я подумала, что он такой неаккуратный. Или жена его. Есть у него жена?

Отец Сергей помолчал.

— Нет, жены у него нет. Ладно, а вот это — делала?

— «Убийство»? Да, разумеется.

Челюсть у отца Сергея отвисла.

— Расскажи мне, дочь моя, — дрогнувшим голосом попросил отец Сергей.

— Ну, я была беременной. И мне велели ходить аккуратно, чтоб выкидыша не было. А я побежала у проходной по лестнице — и упала. И выкидыш. Получается — это я виновата в смерти ребенка? Вот. Убийство.

Отец Сергей, не мигая, смотрел на Киру, и выражение его лица было непонятным. Она уже начала думать, что и этот ее прогонит, как батюшка очнулся.

— Так, я всё понял, давай сделаем так, дочь моя, — отец Сергей закрыл книжечку и всунул ее в руки Киры. — Повторяй за мной.

Кира послушно повторяла слова о прощении ее грехов.

— Наклонись, — велел Отец Сергей.

Кира наклонилась. Батюшка накрыл ей голову какой-то тряпкой (наверное, той самой, вышитой золотом) и быстро-быстро заговорил. Кира поняла только, что он отпускает ей грехи, явные и неявные, какие она вспомнила и все прочие. Все. Сразу. Потом тряпка была убрана с ее головы. Теперь следовало поцеловать протянутый крест и потрепанную малиновую книжку в руках у батюшки. Было противно, но Кира послушно все исполнила. Отец Сергей благословил её и отправил на причастие.

Кира шла к воротам монастыря — на автобус. У ворот снова сидели монахи. В том числе и тот, тощий с желтоватым лицом. Он снова нагло ухмыльнулся и снова позвал:

— Сестра, давай поговорим о боге.

Кира остановилась. Монах радостно подпрыгнул на скамье и подался вперед.

Кира стянула с головы платок, крашенные в три цвета волосы упали на спину. В ушах сверкнули железки. Небольшие, штук шесть, остальные она сняла еще дома.

Кира развернулась к монахам. Медленно подняла руку и показала средний палец. Монахи открыли рты. Глумливые ухмылки перекосились и застыли гримасами недоумения.

Кира вспомнила книжечку (теперь она лежала в рюкзачке): сейчас согрешила, как минимум, пять раз: подумала плохое про монахов, обозвала мысленно невинных монахов, сняла платок на территории монастыря, показала неприличный жест, задумала еще одно неприличное деяние. Это — если вынудят.

Кира вздохнула, развернулась и пошла к лесу, проклиная невинных монахов, это из-за них она согрешила!

Она споткнулась о корень сосны и чертыхнулась.

— Достал этот лес! Все туфли посбивала! Черт! И платье это... Как тряпка...

Кира Селиверстова заторопилась к шоссе. Главное теперь — не опоздать на автобус, скорее домой.

Книжечка болталась в полупустом рюкзачке. Грехи не вспоминались.